

Джон Голсуорси

Воспоминания

В один скучный февральский день мы отправились встречать его на вокзал Ватерлоо. Я, хозяин беспокойной мамы щенка, довольно смутно представлял себе, каким он может быть, для моей же подруги он был совершеннейшим сюрпризом. Мы ждали на перроне (поезд из Солсбери запаздывал) и с горячим, не лишенным тревоги нетерпением гадали, какую же новую нить вплетет в нашу судьбу Жизнь. Мне думается, больше всего мы боялись, что у него окажутся светлые глаза, обычные желтые глаза китайских пестрых спаниелей. Поезд опаздывал, и с каждой минутой мы все больше сочувствовали щенку; ведь это его первое путешествие, первая разлука с матерью, а черному малышу всего два месяца! Наконец поезд прибыл, и мы кинулись разыскивать его.

— Не у вас наша собака?

— Собака? Не в моем вагоне, спросите в заднем.

— Не у вас наша собака?

— Здесь. Из Солсбери. Вот он, ваш дикий зверь, сэр.

Мы увидели сквозь прутья корзинки, как

тычется во все стороны длинная черная мордочка, и слышали тихий, хриплый визг. Помню, мне сразу подумалось: не слишком ли длинный у него нос? Однако этот совсем опухший от слез, нос, который так беспомощно тыкался в стены тесной корзинки, сразу же покорило сердце моей подруги. Мы вынули щенка, мягкого, дрожащего, плачущего, поставили на все четыре лапы, которые еще плохо ему повиновались, и принялись разглядывать. Вернее, разглядывала его моя подруга, робко улыбаясь и склонив набок голову, а я смотрел на нее, зная, что таким образом получу более полное представление о щенке.

Он немного покружил у наших ног, но хвостом не вилял и рук нам лизать не стал, потом поднял глаза, и моя подруга сказала:

— Да он просто ангел!

Я не был в этом уверен. Голова его напоминала молоток, глаз совсем не было видно, и туловище, лапы, морда — все вместе выглядело как-то на редкость нескладно. Уши длиннющие, как и этот бедный нос. А всмотревшись повнимательнее в черный комочек, я разглядел белую звездочку, — такая же портила грудь его мамы.

Взяв малыша на руки, мы отнесли его в экипаж и сняли с него намордник. Карие глазки-пуговицы упорно смотрели в пространство, он

отказался даже понюхать печенье, которое мы прихватили, чтобы порадовать его, и тогда мы поняли, что люди еще не вошли в его жизнь, где до сих пор существовали только мать, дровяной сарай и еще четверо таких же черных, мягких, дрожащих «ангелов», пахнувших своим особым запахом, теплом и стружками. Было отрадно думать, что он подарит нам свою первую любовь, если, конечно, полюбит. А вдруг мы ему не понравимся?

Но тут что-то в нем шевельнулось, он повернул свой распухший нос к моей подруге и внимательно посмотрел на нее, а немного погодя потерся шершавым розовым языком о мой палец. И этот взгляд, это инстинктивное беспокойное облизывание сказали нам, что ему ужасно не хочется быть несчастным и ужасно хочется поверить, что незнакомые существа, которые так странно пахнут и гладят его своими лапами, заменят ему мать; и я уверен — он понимал, что существа эти гораздо больше его матери и теперь уже неотвратимо, навсегда связаны с ним. Впервые шевельнулось в нем чувство, что он принадлежит кому-то и, возможно (кто знает?), что кто-то принадлежит ему. Это был его первый шаг по пути познания — блаженное неведение не вернется никогда.

Немного не доехав до дома, мы отпустили экипаж и остаток пути прошли пешком. Щенок,

конечно, не мог сразу освоиться с запахами и мостовыми этого Лондона, где ему предстояло провести большую часть жизни. Никогда не забуду, как он впервые несмело пробирался по широкой тихой улице, как то и дело вдруг садился и разглядывал собственные лапы, как поминутно терял нас из виду. Тогда же он наилучшим образом продемонстрировал нам одну из своих, весьма неудобных, хоть и прелестных особенностей: стоило его кликнуть или свистнуть, и он сразу оборачивался в противоположную сторону. Сколько раз случалось потом, что, услышав мой свист, он вскакивал на ноги, поворачивался ко мне задом, принимался, отыскивая направление, тыкаться в стороны носом и со всех ног пускался к далекому горизонту!

Во время нашей первой прогулки нам, по счастью, повстречалась одна только тележка пивовара. Именно в это мгновение он решил справиться самое серьезное в жизни дело и преспокойно уселся прямо под ногами у лошади, так что пришлось унести его с дороги. С самого нежного возраста он был преисполнен чувства собственного достоинства, и стоило немало труда оторвать его от земли — он ведь был очень длинный.

Какие же неведомые чувства, должно быть, пробудились в его маленькой безгрешной душе,

когда он впервые обнюхал ковер! Впрочем, в тот день все было для него незнакомо — он переживал, наверно, не меньше впечатлений, чем я, когда, впервые отправившись в закрытую школу, читал в дороге «дедушкины сказки», а управляющий отца усердно потчевал меня наставлениями и хересом...

Первую ночь, да и несколько ночей потом он спал со мной — спине моей становилось жарко, и он тихо скулил во сне и будил меня. Всю жизнь ему во сне что-то мерещилось, он куда-то спешил, дрался с собаками, гонялся за кроликами, ловил брошенную палку. И мы всегда были в нерешительности: будить или не будить щенка, когда он начинал вздрагивать и перебирать всеми четырьмя лапами. Сны он видел такие же, как и мы, — то хорошие, то дурные, порой счастливые, порой до слез печальные.

Он перестал спать со мной, когда мы обнаружили в нем целое поселение крошечных жителей — таких шустрых я никогда не видал. После этого он спал в самых разных местах, ибо случаю было угодно распорядиться, чтобы он вел жизнь кочевую. Этим, по-моему, и объясняется его философское безразличие к окружающей обстановке, что отличало его от большинства ему подобных. Он рано постиг, что для черной собаки с длинными шелковистыми ушами, пушистым хвостом и полной достоинства мордой дом всегда